

КАТОЛИЧЕСКОЕ ДУХОВЕНСТВО В СИБИРСКОЙ ССЫЛКЕ (1863–1883 гг.)

Серак Елена Владимировна

старший преподаватель кафедры философии и политологии Белорусского государственного медицинского университета (г. Минск, Беларусь)

Прибывшие в ссылку католические священники, участники восстания 1863–1864 гг. находились под непосредственной опекой департаментов МВД в Тобольске и Иркутске [4, с. 141]. По распоряжению министра внутренних дел от 29 января 1867 г. священнослужителей, как правило, направляли в труднодоступное место в забайкальских горах – бурятскую деревню Тунка [7, с. 27]. Также этим документом предусматривался запрет на поддержание контактов с другими ссыльными участниками восстания, цензуру их корреспонденции, ограничивалось проведение богослужения, исключалась всякая возможность строительства алтарей для литургии. Сосланным в Тунку священникам запрещалось отправление мессы. В числе первых в Тунке оказался служивший в Полесской епархии священник П. Краевский, осужденный в 1864 г. «за участие в восстании» [4, с. 140].

В условиях изоляции духовных лиц материальные условия жизни более 150 священнослужителей, собранных в одной деревне, были чрезвычайно трудными. На содержание и питание каждый получал ежемесячно 6 рублей.

Видя тяжелые условия жизни духовенства, местные власти, несмотря на запрет выходить за пределы деревни, давали разрешение на работу по найму и обработку земли. В сложившейся ситуации священнослужители организовали в 1868 г. в Тунке общество взаимопомощи. Каждый из ссыльных вносил в кассу членский взнос в размере 3 копеек с каждого полученного рубля. Был создан земледельческий кооператив, который занимался обработкой земли, касса общества взаимопомощи предоставляла кредиты на закупку земледельческих орудий и семенного материала [4, с. 141].

Среди духовенства обнаружили и мастеровые портные, башмачники, столяры и пекари. Был создан успешно работавший небольшой свечной завод, мастерские по производству сигар, папирос и сладостей, которые хорошо продавались даже в Иркутске. Как видим, священники, сосланные в Тунку, выработали не только форму адаптации в условиях изоляции, но и формы взаимопомощи и самоуправления. Путем голосования был сформирован состав правления и избран староста, который выступал в качестве защитника интересов всех ссыльных священнослужителей и представлял их в контактах с российскими властями. Текущие проблемы обсуждались публично, на общих собраниях, а для решения споров и конфликтов был создан специальный суд [4, с. 143]. Однако попытка полностью изолировать священнослужителей не была реализована. Они по-прежнему проживали на территории как Западной, так и Восточной Сибири.

Приток ссыльных участников восстания 1863–1864 г. римско-католического вероисповедания в сибирский регион вынуждал местные органы власти привлекать к пастырской деятельности осужденных ксендзов. Так как правовое регулирование в вопросах духовной практики ссыльных ксендзов не сложилось, то в каждом случае приходилось согласовывать разрешение с генерал-губернаторами и представителями католического клира.

Генерал-губернатор Западной Сибири А.О. Дюгамель ограничился тем, что разрешил католическим священникам служение тихой обедни, но только в тех местах, где есть костел. Обязательным условием было также предоставление священникам достаточного содержания, чтобы они материально не зависели от прихожан [4, с. 136]. По разрешению вятского губернатора в домовый каплице виленского епископа А. Красинского регулярно совершались богослужения. Однако их посещало ограниченное число лиц. Это были те из католиков, «которым дано особое на то дозволение» [3, с. 56]. В 1867 г. пребывавшие в Омске ссыльные ксендзы получили право ежедневно служить тихие обедни. Однако уже с июня 1868 г. вступил запрет на чтение литургии. Реакцией на сложившуюся ситуацию в среде ссыльных стали тайные богослужения. Подобные явления имели место в Сиваковых рудниках, где ссыльные без ведома местных властей построили часовню [1, с. 25–26]. Находясь в ссылке в Тобольской губернии, ксендз Э. Чернецкий в 1867 г. совершал богослужения в устроенной им в своей квартире походной церкви [6, с. 160–161, 250]. В воспоминаниях ссыльных встречаются многочисленные упоминания о проведении церковной службы. На Александровских рудниках богослужение проходило каждое воскресенье и по праздникам. В Тюмени, по сведениям С. Карнацевича, сына повстанца Ю. Карнацевича, местный ксендз организовывал святки [2, л. 4].

Губернские власти также полагали, что материальные трудности вынудят священников начать поиски работы, отказавшись при этом от пастырских обязанностей. Так, ксендз К. Стефанович, настоятель приходского костела Ошмянского уезда Виленской губернии, высланный в 1865 г. по политической неблагонадежности на постоянное жительство в Томскую губернию, с 20 сентября 1865 г. находился в Бийске и «занимался продажей вина и питей от купца Сахарова» [6, с. 172].

Формально ксендзы не имели возможности занимать должность vikариев, но примеры подобного характера имели место. Если священнику М. Олехновичу получить службу в качестве vikарного ксендза Томской римско-католической церкви не разрешили, то ксендз И. Лавкович был определен на аналогичную должность в Иркутском костеле [5, с. 121; 6, с. 237, 242]. Необычным при всей строгости надзора и противоречивости действий властей являлось дело о назначении vikарием Тобольской церкви ссыльного ксендза Виленской губернии И. Корженевского. Так, в 1881 г. по ряду обстоятельств католический приход Тобольска остался без священника, губернатор разрешил осуществлять пастырскую деятельность ксендзу И. Корженевскому. В свою очередь в мае 1881 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий ходатайствовал перед генерал-губернатором о назначении Корженевского vikарным настоятелем. Тогда же в июне Могилевская римско-католическая духовная консистория поручила ему исполнять должность курата костела в Тобольске с назначением установленного содержания [5, с. 122].

Отсутствие единого регламента, касающегося статуса ссыльных ксендзов, и необходимость координации всех решений по их деятельности с центральными органами власти делали процесс организации религиозных обрядов долгосрочным. Решением проблем пастырской практики, прежде всего, занимались католическое духовенство, сообщество ссыльных и местное население с их стороны потребовался ряд инициатив, позволивших наладить религиозную жизнь.

Литература

1. Гарбачова, В. В. Лёсы Магілёўскай і Мінскай рымска-каталіцкіх дыяцэзіі пасля паўстання 1863–1864 гг. / В. В. Гарбачова, З. Антановіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 2009. – № 12. – С. 12–28.
2. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). – Ф. 1759. Оп. 1. Д. 43.
3. Дворецкая, Т. А. Участники польского восстания 1863–1864 гг. в Вятской ссылке / Т. А. Дворецкая // Польская ссылка в России XIX–XX веков: региональные центры = *Polscy zesłańcy w Rosji XIX–XX stuleciu: ośrodki regionalne* : сб. ст. / Казан. гос. ун-т ; редкол.: Р. М. Валеев (отв. ред.) [и др.]. – Казань, 1998. – С. 56–58.
4. Зюлек, Я. Римско-католические священники, сосланные в Сибирь после Январского восстания / Я. Зюлек // Сибирь в истории и культуре польского народа : сб. ст. / Конгр. поляков в России ; редкол.: П. С. Романов, А. Кучинский. – М., 2002. – С. 135–145.
5. Мулина, С. А. Мигранты поневоле: адаптация ссыльных участников восстания 1863 г. в Западной Сибири / А. С. Мулина. – СПб. : Алетейя, 2012. – 200 с.
6. Никулина, И. Н. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в. (20-е – первая половина 70-х гг.) / И. Н. Никулина. – 2-е изд. – Иркутск : Оттиск, 2011. – 264 с.

7. Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1867 и 1868 годы / собр. и изд. с разрешения министра внутренних дел Д. Чудовского. – СПб., 1874. – 670 с.